

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Ольги БАСКОВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Проклятое ожерелье Марии-Антуанетты

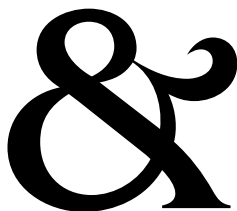
Золотой конь Митридата

Сокровище падишаха

Наследство племени готов

Проклятая сабля крымского хана

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Ольга БАСКОВА

Проклятая сабля
крымского хана

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б27

Редактор серии *Ю. Милоградова*
Оформление серии *Н. Кудри*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Баскова, Ольга.

Б27 Проклятая сабля крымского хана / Ольга Баскова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-107374-9

Тот, кто хочет владеть всем миром, непременно заплатится за свое тщеславие. Зачарованная сабля сулила могущество и богатство хану Девлет Гирею, потомку великого Чингисхана, но была утеряна на поле битвы, и с тех пор несла только разрушение и несчастья... Сила проклятья не ослабла вплоть до наших дней и закружила в водовороте трагических событий Жанну и Андрея, каждому из которых придется сделать нелегкий выбор и не раз об этом пожалеть...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Баскова О., 2019

© Оформление.

ISBN 978-5-04-107374-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

1520 год. Крым

К

рымский хан Саадет Гирей привязал коня к тонкому морщинистому

стволу дерева, неизвестно как вцепившемуся корнями в скалу и даже пробившему ее в поисках влаги, тяжело вздохнул и стал взбираться по склону к пещере, которая скалилась еле заметной черной пастью — расщелиной. Это давалось ему с трудом. Тучный, сильно набравший в весе в последнее время, он тяжело дышал, и камни сыпались из-под ног. Пот градом катился по круглому, смуглому, с желтизной лицу, попадая в узкие монгольские глаза, застревая в морщинках, как вода в колеях, сверкая в бороде, где уже поблескивал серебряный волос; он смахивал соленую жижу холеной рукой и продолжал путь. Саадет Гирей не сказал ни единой живой душе, даже своей жене, которой доверял, о том, куда направился. Здесь, в суровых крымских скалах, жил колдун, который предсказывал будущее. Потомок Чингисхана, Саадет Гирей помнил о своем великом предке, завоевавшем полмира, и мечтал о его славе. Помнил он также и о том, что своими победами Чингисхан был во многом обязан шаману Тэб-Тэнгри.

О нем рассказывали довольно много. Предки Тэб-Тэнгри служили еще матери Чингисхана, однако это не означало, что он займет достойное место при ханском дворе — Чингисхан не происходил из знатного рода. Саадет Гирей знал, что именно благодаря Тэб-Тэнгри его великий предок занял место, которого заслуживал. Шаман провозгласил: скоро придет Великий воин, которому покровительствует сам бог Тэнгри, поэтому его род считается «золотым». И именно Темуччи — такое имя получил Чингисхан от рождения — станет Великим ханом. Чингисхану пришлось по нраву слова шамана, по его совету он сменил имя и действительно принес Золотой Орде столько побед, сколько она никогда не видела. Саадет Гирей до сих пор не мог разобраться в том, за что его великий предок приказал убить Тэб-Тэнгри. Наверное, это было сделано сгоряча... Вокруг великих людей вечно плетутся интриги... возможно, кто-то наговорил на шамана, мечтая захватить трон. Трон шатался и под ним, именно поэтому, тяжело дыша и спотыкаясь, он упорно карабкался к пещере. По словам местных жителей, колдун умел предсказывать будущее. Оно и интересовало крымского хана. Наконец, добравшись до маленькой площадки, созданной природой прямо перед узким входом в пещеру, он погладил бороду, что делал в минуты сильного волнения, и с опаской заглянул внутрь. Возле огня сидел худой старик в лохмотьях и что-то бормотал.

— Приветствую тебя, почтенный, — громко сказал Саадет Гирей, но от волнения голос его оборвался на последнем слове. Старик не обернулся, лишь что-то пробормотал под крючковатый нос. Пламя в костре разгорелось сильнее, словно колдун произнес какое-то заклятие, и желтые отблески заплясали по склизким, словно плачущим стенам пещеры.

— Почтеннейший, — уже громче и увереннее произнес хан, стараясь подавить волной накативший на него страх, — я пришел...

Старик обернулся. В ярком свете он выглядел устрашающе: длинные белые волосы, перехваченные грязной красной лентой, испещренное морщинами узкое лицо, глаза, прикрытые веками, седые нависшие брови...

— Ты пришел узнать свое будущее, — скрипучим, словно колесо старой телеги, голосом произнес он. — Сюда все приходят за этим. Что ж, слушай. Тебе не суждено стать Великим ханом, если ты не расправишься с сыном своей жены. Впрочем, я вижу, что ты этого не сделаешь, хотя кровь проливать тебе не впервой. Верно говорю?

Хан прищурился, и его без того узкие глаза превратились в щелочки. Да, шайтан-старик прав, ему приходилось убивать всю свою жизнь. Совсем молодой, с румяными щеками, покрытыми юношеским пухом, он сражался против мятежников — сторонников своего родственника принца Селима, потом жестоко подавлял народные волнения недовольных. Он предавал, продавал направо и налево, не зная слов «дружба» и «любовь», не чувствуя никакой привязанности к близким, и добился своего: султан Селим Явуз и его сын Сулейман Великолепный благоволили к нему. Когда осенью 1523 года после ухода ногайцев, разоривших Крымское ханство, знать поставила на престол Казы Гирея Первого, Стамбул воспротивился. Крымские беи всегда согласовывали кандидатуру правителя с турецким владыкой, но на сей раз этого не сделали. Мало того, главный крымский мурза, ненавидевший нового хана, отправился в Стамбул, где, упав на колени перед султаном и обливаясь слезами, просил за него, Саадет Гирея. Сулейман Великолепный, конечно, не отказал, и новый хан с отрядом турецких янычар вскоре при-

был в Крым. Он помнил: решение расправиться с молодым племянником Казы Гиреем и его братьями созрело не сразу. Саадет Гирей колебался. Говоря по совести, племянник не сделал ему ничего плохого, покорно принял свое смещение и заявил о готовности повиноваться дяде. Саадет сделал его своим калгой¹, однако это не давало ему покоя, и вскоре хан приказал умертвить юношу. Казалось, стало легче дышать, заговоры мерещились реже... Но это только казалось. Потом пришел черед других племянников. Он истребил почти всех родственников и не жалел об этом. Нет, не совсем так. Иногда в глубине души шевелилось что-то похожее на совесть, которая, впрочем, быстро успокаивалась. Все, что он ни делал, — делал на благо страны, ослабленной нападениями ногайцев и распрями знати. Благодаря его действиям в стране удалось навести порядок. Разумеется, не все оставались довольны его политикой. Не все крымские беи любили турок, которым он поклонялся... Недоброжелатели припоминали неудачные военные походы на Москву и Литовское княжество, а хитрый шайтан, племянник Ислям Гирей, правдами и неправдами хотел занять трон. Ислям Гирей, но не Девлет, его племянник и пасынок одновременно. Старик что-то путает. Ему надо опасаться другого родственника. Колдун зашевелился, будто прочитав его мысли.

— Я ничего не путаю, — прошепестел он, кашлянув. — Может быть, и правильно, что ты не убьешь его. Я вижу, Девлет все равно прославит свое имя. Однако славы Чингисхана не добьется.

— При чем тут Девлет? — буркнул Саадет Гирей, словно разбуженный словами старика. — Он еще младенец и мне не соперник. Его отец Мубарек сложил

¹ Калга (титул) — ближайший советник хана, второе по значимости лицо в иерархии Крымского ханства. Назначался лично ханом при вступлении на престол.

буйную голову в Африке и тоже не претендует на престол. Меня беспокоит родной брат и другой племянник, Ислям. Кажется, они хотят скинуть меня с трона.

— Ислям не получит желаемого, — снова промолвил старец. — Тебе удастся укротить его, как дикого барса. Брату тоже недолго царствовать, если Девлет останется в живых. — Колдун бросил в огонь щепотку какого-то белого порошка, и пламя снова вспыхнуло, швырнув в хана горсть искр. — Если ты не хочешь услышать меня, ступай откуда пришел. Мне больше нечего сказать.

Саадет Гирей продолжал стоять, прислонившись к холодной мокрой стене, не произнося ни слова, будто ожидая продолжения беседы, но вдруг какая-то сила, как вихрь, как ураган, вытолкнула его из пещеры в жаркий полдень, и он снова оказался на склоне горы. Солнце палило немилосердно, обжигая желтую кожу щек, и хан начал осторожно спускаться вниз, на каменную дорогу, где оставил коня. Разговор с колдуном не принес ожидаемого успокоения, наоборот, сердце билось еще тревожнее, тяжелый камень не упал с души. Что же получается? Его соперник — маленький Девлет? Но это неправда, что может сделать ребенок? Почтительный скромный ребенок, который почти не видится с ним и который ни разу не высказал желания поскорее вырасти, чтобы занять место своего отца. Зачем его убивать? У него еще кишка тонка сместить отчима с трона. Другое дело — братец, не раз возмущавшийся решением после гибели старшего брата посадить на трон среднего, хотя какая тут несправедливость? Есть еще и проклятый племянник... О Аллах, как тяжело нести эту ношу — власть, но как жалко ее бросить...

Саадет спрыгнул с валуна на дорогу и подошел к красивому ухоженному гнедому коню, покорно ждав-

шему своего хозяина. Хан потрепал его по пушистому загривку, конь лизнул его горячую руку.

— Ты один не предашь меня, — шепнул Саадет в ухо верному другу, не раз выручавшему его в боях. — Ты один... Все мои родственники — стая трусливых шакалов... Ничего, посмотрим, как они потеряют головы в борьбе со мной.

Он влез в седло и натянул поводья. Конь покосился черным глазом на хозяина.

— Домой. — Саадет знал, что его понимают с полуслова. Для его коня не требуется плеть. Животное тряхнуло гривой и понеслось к дворцу. Хан не любил свое жилище, считая, что крымский дворец недостаточно напоминает турецкий. Впрочем, последние дни его не утешали ни ласки наложниц, собранных со всего света, ни дети, ни жены. Тень заговора и угроза смещения его с престола давно витала в воздухе. Саадет надеялся, что колдун успокоит его, разрешит проблемы. Но мерзкий старец только все усугубил. Шайтан бы его побрал! И ведь наговорил лжи, шакал! Какой Девлет ему соперник? Когда в легкой дымке показались крыши дворца, хан призадумался. Проклятый старик все же посеял зерно сомнения. Что ему делать с Девлетом, как себя вести? Саадет опустил поводья, дав верному другу нести себя сначала по гористой местности, по белой пыли, забивавшейся в нос и рот, потом по степи с выжженной травой, степи, пахнувшей сеном и еще чем-то сладким, как шербет. Когда показались минареты мечети, он вскинул голову, принял царственный вид и пришипил коня. Никто не должен знать, что разговор с колдуном расстроил его. Впрочем, кому об этом известно? Даже своей жене Селиме, матери Девлета, он ничего не сказал. Нет, не потому, что не доверял ей, как раз наобо-

рот, просто боялся взгляда ее жгучих черных глаз, как ему казалось, осуждавших за то, что не уберег своего родного брата, ее мужа Мубарека, от гибели в далекой Африке. Много раз Саадет пытался объяснить ей: мол, это было невозможно, ее супруг сам принял решение участвовать в походе на Египет, но Селима будто не верила, отворачивалась, и длинные пушистые ресницы увлажняла слеза. Она так и не смогла полюбить его. И не сможет — он знал это с самого начала. Все протестовало в нем против женитьбы на этой женщине, однако укрепленная веками традиция жениться на вдове старшего брата не позволила избежать участи, печальной для обоих. Да, именно печальной, потому что они не были счастливы. Она почти не интересовалась делами мужа, только разве для приличия, все дни проводила с сыном Девлетом, и Саадет не представлял, как скажет ей, что подростка надо удалить из дворца. Да, надо — к этому решению он пришел, подъезжая к воротам резиденции. Привратник открыл ворота, и хан въехал на просторный двор и окинул постройки скушающим взором. Ханский дворец, похожий на небольшую крепость, возведенный его отцом Менгли Гиреем, многим казался шедевром: фонтаны, цветники, разбросанные в саду беседки и павильоны из резного позолоченного дерева, башня-хамам, солидное медресе... Как напоминание об отце, на портале красовалась надпись: «Владелец этого дворца и правитель этой области, государь величайший и благороднейший, Менгли Гирей — хан, сын Хаджи Гирея — хана, да помилует Аллах его и его родителей в обоих мирах». Саадет любил фонтаны, не такие большие, как в Стамбуле, потому что в Крыму вода добывалась с трудом, считалась источником жизни и благополучия, отрадой и надеждой: ее берегли и почитали.

Источники воды всегда имели особый смысл и значение: для сбора питьевой воды — «чешме», «абдез» или «магзуб» — для омовения перед молитвой, фонтаны «себил» — священные. «Сладкозвучные» фонтаны украшали ханские покои и улаждали слух. Хан спешился, вошел в беседку, в центре которой красовался небольшой фонтан в виде распустившегося цветка, погладил влажные лепестки, орошенные водой, лизнул кристально чистую каплю и тяжело опустился на диван, на парчовые подушки. Верный евнух Махмуд тотчас подбежал к нему, взявшись словно ниоткуда.

— *Как вы себя чувствуете, господин? Не принесли ли вам холодной лимонной воды с шербетом?*

Хан покачал головой и дёрнул бороду:

— *Спасибо, Махмуд. Не думаю, что это мне поможет. Ты иди, я позову тебя. Мне нужно побыть одному.*

Евнух исчез так же неслышно, как и появился. Саадет закрыл глаза и вдохнул свежий воздух, наполненный запахом роз. Он любил сидеть в летней беседке, словно ограждая себя от суетного мира резными стенами со вставками из цветного стекла вместо окошек. Причудливая игра красок завораживала. Мириады бриллиантов-капелек искрились желтым, красным, синим, зеленым цветами, превращая помещение в дивный калейдоскоп цветных бликов. Нежное журчание струй убаюкивало. Стало легче дышать, сознание будто прояснилось, и Саадет принял окончательное решение. Да, колдун прав, он не станет убивать своего племянника — пасынка, просто отправит его в Стамбул, где мальчик будет находиться под присмотром преданных ему, хану, людей. Если старый шайтан ошибся и со стороны Девлета ему ничто не угрожает — он вернет его со временем. Да, так и следует поступить. Иначе эта мысль сведет

его с ума. А у него и так много проблем, проблем с родным братом и племянником Ислямом. Успокоившись, Саадет хлопнул в ладоши, и верный евнух возник перед ним, как призрак.

— Приведи ко мне Девлет Гирея, — приказал хан, — и поживее.

Евнух склонился так низко, как только позволяла ему больная поясница, которую он постоянно пачкал какой-то остро пахнувшей заморской мазью.

— Слушаю и повинуюсь, повелитель. Девлет Гирей предстанет перед твоими светлыми очами через мгновение.

Саадет Гирей раздраженно махнул рукой, словно говоря, чтобы слуга поторопился, но тот уже растаял в цветных бликах, оставив после себя едкий запах своего снадобья, приобретенного у старого иранца на рынке. Хан поражался его способности молниеносно исполнять приказания: наверное, желание угодить господину помогало превозмогать боль. Он привел Девлета, как и обещал, через мгновение, и дядя приказал племяннику сесть возле себя. Мальчик покорно опустился на диван, сложив руки на коленях и опустив глаза. Он как никогда походил на девочку, красивую восточной красотой: точеные брови-подковки, миндалевидные глаза с поволокой, длинные загнутые ресницы.

«Наверное, я зря беспокоюсь, — подумал Саадет Гирей и снова дернул себя за бороду. — Он скорее слабая женщина, чем мужественный воин. Нет, такой не способен свалить меня».

— Махмуд сказал, ты хотел поговорить со мной, великий хан, — прошептал мальчик, и яркий румянец залил чуть тронутые темным пухом щеки.

— Скажи, ты сильно привязан к матери? — спросил Саадет Гирей, пристально глядя на пасынка.

— Я люблю и почитаю ее, — отозвался Девлет Гирей.

— Но она не сделает тебя хорошим воином. — Хан прищурился. — А я хочу, чтобы сын моего брата, мой племянник и пасынок им стал и прославил род Чингисидов в славных боях.

Ресницы мальчика дрогнули, но он ничего не ответил.

— Завтра же на корабле ты отправишься в Стамбул, — твердо сказал Саадет Гирей, словно подчеркивая, что спорить с ним бесполезно. — Турецкие янычары — настоящие солдаты. Они обучат тебя военному искусству. Кроме того, ты увидишь родственников, которых никогда до этого не знал. Я передам с тобой послание для них.

Девлет по-прежнему не произносил ни слова, и хан с неудовольствием подумал: «Как женщина. Где уж такому сместить меня с трона!»

— Я не говорю, что ты уедешь отсюда навсегда, — вкрадчиво молвил Саадет Гирей и улыбнулся легкой неприятной улыбкой. — Как только мне сообщат, что из тебя получился прекрасный воин, ты вернешься обратно.

Мальчик склонил голову, не поднимая глаз. Пушистые ресницы дрожали, но их не увлажнила слеза. Хан воспринял его молчание как согласие. Впрочем, в согласии пасынка он не нуждался.

— Ну, иди, собирайся, — уже резче сказал он и слегка подтолкнул его. — Иди, сообщи матери.

Девлет так же покорно отправился во дворец, а Саадет, встав, подошел к фонтану и подставил руку под слабую искрившуюся струю. Он уже знал, что скажет жене, и это не прибавляло радости.

— Все равно здесь решаю я, — сказал он жестко. — И да будет благословенно имя Аллаха!

Глава 2

Наши дни. Турция

Жанна сидела на кровати, ощупывая синяки на руках, и лихорадочно думала, как отсюда выбраться. Проклятый Макс обещал помочь ей скрыться в Турции, в Стамбуле, клялся посылать деньги на ее карту, но вместо этого продал в бордель, причем в самый дешевый. Ей сразу показалось странным, что смуглые до черноты турки сомнительного вида повезли ее куда-то в горы, поселили в грязном отеле, который оказался публичным домом для пастухов и шоферов. Когда ей об этом сообщила проститутка с равнодушным лицом, видимо, готовая ко всему на свете, потому что в ее нелегкой жизни были и огонь, и вода, и медные трубы, Жанна устроила скандал, требуя отпустить ее. Но такие же маленькие грязные смуглые люди во главе с портье сначала избили ее, заломили руки, потом что-то вкололи в вену, и она вырубилась на долгое время. Позже, когда она очнулась и начала стучать в дверь, к ней в комнату вошел высокий турок, модно и дорого одетый, и на ломаном русском языке сообщил, что с этого дня ее работа — обслуживать клиентов.

— Если ты выкинешь что-нибудь, тебя ждет смерть, — пригрозил он, хлопая черными ресницами.

«Лучше смерть», — подумала она, но вслух этого не сказала. Ее опять начнут бить, вколют наркотик — здесь это практикуется — и заставят спать с отбросами общества. Подумать только, она и грязные пастухи, бедуины! Нет, нет и еще раз нет!

Турок внимательно наблюдал за ней, буравя глазами-маслинами. Ее молчание он воспринял как